

убежь меня". — „Замолчишь ли ты?“ вскричалъ Дюпоръ и ударилъ меня такъ, что я упала безъ памяти...

„Когда я пришла въ себя, мальчики мои плакали.“

— А дочь ваша?

— Онъ увелъ ее,—отвѣчала несчастная мать, рыдая.—Онъ прибилъ и увелъ ее.

— И вы не пожаловались комиссару?

— Я объ этомъ и не подумала въ первую минуту; я только могла плакать о Катеринѣ... Скоро все тѣло мое разболѣлось... я не могла ходить. Тутъ я вспомнила, что говорила брату: мужъ такъ прибилъ меня, что мнѣ придется итти въ больницу, и тогда, что будетъ съ моими дѣтьми?.. Вотъ я въ больницѣ: что жъ будетъ съ моими дѣтьми?..

— Такъ во Франціи нѣтъ правосудія для бѣдныхъ людей?

— Оно слишкомъ дорого!.. Сосѣди мои послали за комиссаромъ. Онъ пришелъ съ писмоводителемъ... Мнѣ не хотѣлось жаловаться на мужа, но мысль о дочери принудила меня... Я сказала только, что во время ссоры за дочь онъ толкнулъ меня... Это ничего, но я хочу, чтобы мнѣ возвратили дочь... чтобы не развратили ее.

— Что же отвѣчалъ вамъ писмоводитель?

— Что мужъ мой имѣетъ право увести дочь, потому что онъ не разведенъ со мной; что жаль будетъ, если моя дочь испортится отъ дурныхъ совѣтовъ, но это одни предположенія, а нельзя основать жалобы на однихъ предположеніяхъ.

„Требуйте развода, сказалъ писмоводитель: побой, нанесенные вамъ мужемъ, его поведение съ дурной женщиной, все это послужитъ въ вашу пользу и вамъ отдадутъ дочь... а иначе онъ имѣетъ право оставить ее у себя.“ Требованіе развода! а у меня нѣтъ денегъ, да еще я должна кормить дѣтей... — „Что жъ мнѣ дѣлать? отвѣчалъ писмоводитель: такъ надобно...“ И потому, что такъ надобно, дочь моя мѣсяца черезъ три будетъ таскаться по улицамъ... (Часть 8-я, стр. 52—44).

Этого отрывка достаточно, чтобы дать понятіе объ идеѣ „Парижскихъ Тайнъ“ даже и не читавшимъ этого романа, и потому больше выписывать не нужно. Авторъ водить читателя по тавернамъ и кабакамъ, гдѣ собираются убійцы, воры, мошенники, распутныя женщины;—по тюрьмамъ, гдѣ подозрѣваемые въ преступленіи посажены въ одну комнату съ уличенными во множествѣ преступленій, съ бѣжавшими не одинъ разъ съ галеръ;—въ больницы, гдѣ для пользы науки бѣдная женщина должна рассказывать своему доктору, при множествѣ его учениковъ, симптомы своей болѣзни, а послѣ этого, если въ ней есть женскій стыдъ, чувствовать усиленіе болѣзни;—въ дома умалишенныхъ, которые, по описанію автора, представляютъ глазамъ филантропа болѣе утѣшительное зрѣлище, чѣмъ всѣ другія общественныя заведенія;—по чердакамъ и по подваламъ, гдѣ скрываются бѣдныя семейства, круглый годъ блѣдныя отъ голода и изнуренія, а зимой дрожащія отъ стужи, потому что они не знаютъ, чѣмъ такое дрова. Въ этихъ чердакахъ и подвалахъ,—жилищахъ нищеты и отчаянія, часто живутъ высокія добродѣтели, но еще чаще гнѣздятся развратъ и преступленіе. Но что

говорить о тѣхъ несчастныхъ, которые сами себя называютъ «дѣтьми мостовой» и съ малолѣтства служатъ предметомъ спекуляціи для подобныхъ имъ нищихъ! Развратъ и преступленіе, такъ сказать, ждутъ ихъ на порогахъ жизни, чтобы схватить въ свои когти и повлечь по всѣмъ мытарствамъ побой, голода, обидъ, презрѣнія, угнетенія, наказаній, тюремъ, галеръ, воспитывая въ нихъ закоренѣлыхъ злодѣевъ. Все это составляетъ содержаніе романа Эжена Сю. Мысль его—какъ изъ этого достаточно видно—благородная и прекрасная; взглянемъ на исполненіе,

Съ этой стороны «Парижскія Тайны» являются самымъ жалкимъ и бездарнымъ произведеніемъ. Завязка романа основана на лжи и призракѣ, камими погнушалась бы въ наше время даже сколько-нибудь порядочная мелодрама. И эта ложь, эта призрачность въ особенности бросаются въ глаза даже самому невзыскательному читателю въ героѣ и героинѣ романа, т. е. въ его свѣтлости принцѣ Родольфѣ Герольштейнскомъ и ея свѣтлости, единородной дщери его, Пѣвунѣ, воспитанницѣ Сычихи и нахлѣбницѣ Яги-Бабы. Оставивъ свои наслѣдственные владѣнія, въ которыхъ, видно, по ихъ микроскопической мелкости, его свѣтлости нечего было дѣлать, Родольфъ живетъ въ Парижѣ, занимаясь такимъ дѣломъ, которое можетъ прийти въ голову развѣ только какому-нибудь подрядчику повѣстей въ фелетонѣ журнала, но которое, слава Богу, въ нашъ прозаическій вѣкъ не придетъ въ голову никому, тѣмъ менѣе принцу. Переодѣтый въ блузу работника, Родольфъ шатается по кабакамъ и тавернамъ Ситѣ и дерется тамъ на кулачки съ убійцами, ворами и мошенниками, защищая, какъ истинный Донъ-Кихотъ, слабыхъ и невинныхъ, наказывая пороки и награждая добродѣтели. По словамъ автора, Родольфъ «отличался красотой, но не мужественной: его блѣдность, его полужакрытые черные глаза, лѣнивая походка, разсѣянный взглядъ, ироническая улыбка показывали челоуѣка, отжившаго вѣкъ (хотя ему было не болѣе тридцати лѣтъ); казалось, онъ былъ разслабленъ аристократической невоздержанностью (хотя онъ легко одолевалъ страшныхъ бойцовъ и силачей).» Мы бы никакъ не догадались о причинѣ побѣдоносности его свѣтлости, если бы наперсникъ его, Мурфъ, въ разговорѣ съ нимъ же не подсказалъ намъ о немъ слѣдующихъ біографическихъ подробностей: «Креббъ научилъ васъ боксировать, Лакуръ передалъ вамъ искусство бороться и драться на палкахъ, знаменитый Бертранъ превратилъ васъ въ удивительнаго бойца на шпагахъ; вы убиваете ласточку на-лету изъ пистолета; у васъ стальные мускулы.» Видите